В. А. Мильчина [ab]
ORCID: 0000-0003-3896-0085
✉ *vmilchina@gmail.com*
[a] *Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)*
[b] *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)*

Культура примечаний: князь Петр Иванович Шаликов переводит виконта Франсуа-Рене де Шатобриана

Аннотация. Русские литераторы конца XVIII — начала XIX в. нередко сопровождали собственные тексты, прозаические и поэтические, подстрочными примечаниями. Например, активно занимался автокомментариями Петр Иванович Шаликов (1768 или 1767 — 1852), и так же активно он комментировал тексты, которые переводил. Особенно богаты в этом отношении две книги Франсуа-Рене де Шатобриана, переведенные Шаликовым: «Путевые записки из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж» (1815–1816) и «Воспоминания об Италии, Англии и Америке» (1817). Здесь представлены примечания энциклопедические, метаязыковые (отсылки к оригиналу; перевод иностранных слов; рефлексия по поводу отрывков других цитируемых авторов и по поводу собственного перевода), литературно-критические, публицистические, «примечания русского», в которых переводчик оценивает мысли французского автора с сугубо русской точки зрения. Наконец, Шаликов ставит свои примечания рядом с примечаниями Шатобриана, который и сам был большим любителем комментировать под строкой собственные тексты. Таким образом, Шаликов как бы уравнивает себя с переводимым автором. Он комментирует чужой текст, как свой, потому что комментировал свои тексты, как чужие.

Ключевые слова: П. И. Шаликов, Грацианский, Филомафитский, Шатобриан, Пушкин, графиня де Жанлис, перевод, путевые записки, примечания, автокомментарии, русско-французские литературные связи

Для цитирования: *Мильчина В. А.* Культура примечаний: князь Петр Иванович Шаликов переводит виконта Франсуа-Рене де Шатобриана // Шаги/Steps. Т. 6. № 3. 2020. С. 106–136. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-106-136.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2020 г.
Принято к печати 31 марта 2020 г.

© В. А. МИЛЬЧИНА

Shagi / Steps. Vol. 6. No. 3. 2020
Articles

V. A. Milchina [ab]
ORCID: 0000-0003-3896-0085
✉ *vmilchina@gmail.com*
[a] *Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)*
[b] *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*

The culture of footnotes: Prince Peter Ivanovich Shalikov translates Vicomte François-René de Chateaubriand

Abstract. At the end of the 18th — beginning of the 19th century Russian men of letters often provided their own creations, both prose and poetry, with footnotes. Peter Ivanovich Shalikov (1768 or 1767 — 1852) was no exception; he enthusiastically commented both on his original works and on the texts that he translated. Among the latter were two books by François-René de Chateaubriand, *Itinerary from Paris to Jerusalem* (1815–1816) and *Recollections of Italy, England and America* (1817), that Shalikov not only rendered into Russian but provided with numerous commentaries. Many of them were encyclopedic, metalinguistic notes that included references to the original, translations of foreign words or reflections on the passages from other authors quoted by Chateaubriand; others presented Shalikov's literary position and purely Russian point of view on Chateaubriand. Finally, in a number of cases, Shalikov puts his comments next to the author's, which is ironic because Chateaubriand himself liked to provide his own texts with footnotes. By following this practice Shalikov seems to equate himself with the translated author. He comments on someone else's text as his own, because he commented on his own texts as if they were someone else's.

Keywords: P. I. Shalikov, Graziansky, Filomafitsky, Chateaubriand, Pushkin, Countess de Genlis, translation, travel notes, footnotes, auto-commentaries, Russian-French literary relations

To cite this article: Milchina, V. A. (2020). The culture of footnotes: Prince Peter Ivanovich Shalikov translates the Vicomte Francois-René de Chateaubriand. *Shagi / Steps, 6*(3), 106–136. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-106-136.

Received March 1, 2020
Accepted March 31, 2020

© V. A. MILCHINA

Из двух героев моей статьи одного — великого французского писателя Франсуа-Рене де Шатобриана — представлять нет необходимости. Другой — русский литератор — известен сейчас несравненно меньше, хотя в свое время был довольно популярен, и о нем следует дать короткую биографическую справку.

Князь Петр Иванович Шаликов (1768 или 1767 — 1852) был отпрыском грузинского княжеского рода. Вступив в военную службу в один из кавалерийских полков, он участвовал в 1788 г. в штурме Очакова, затем принимал участие в подавлении польского восстания 1795 г. В 1799 г. вышел в отставку и занялся литературой. Он был весьма активным участником литературного процесса на протяжении всей первой трети XIX в., выступая как поэт, прозаик, переводчик, литературный критик и издатель журналов «Аглая» (1808–1810, 1812), «Дамский журнал» (1823–1833), а также в течение двух с половиной десятков лет (1817–1836) служил в газете «Московские ведомости» (с 1825 — редактор-издатель) [Ершова 2007][1].

Шаликов входит в число тех русских литераторов, которые особенно часто становились мишенью для насмешек и эпиграмм. В первую очередь осмеянию подвергалась сентиментальная интонации стихов и прозы писателя, который «стяжал себе репутацию эпигона Карамзина, доведшего до крайних пределов “чувствительность” его ранней прозы» [Вацуро 2002: 107]. Так, Вяземский в стихотворении 1811 г. нарек «чувствительного путешественника» Шаликова, автора нескольких книг путевых записок, Вздыхаловым: «С собачкой, с посохом, с лорнеткой, / И с миртовой от мошек веткой, / На шее с розовым платком, / В кармане с парой мадригалов / И чуть с звенящим кошельком / По свету белому *Вздыхалов* / Пустился странствовать пешком» [Вяземский 1986: 58]. За слащавость Шаликов был прозван одним из эпиграмматистов «кондитером литературы» [Гиллельсон, Кумпан 1988: 288]. Однако сентиментальный в прозе и стихах, Шаликов в критических выступлениях был весьма язвительным полемистом [Вацуро 2000: 39–43; Альтшуллер 1975]; шаликовский «Дамский журнал», несмотря на некоторую архаичность своей позиции, принимал активное участие в литературных спорах 1820-х годов [Денисенко 1996]. К чести Шаликова стоит отметить, что он неизменно брал в этих спорах сторону Пушкина и отзывался восторженно даже о тех его произведениях, которые не были поняты большинством критиков. В частности, он очень высоко оценил «Бориса Годунова», непонятого многими современниками, и сделал вывод, что пушкинская трагедия стоит вне старых классификаций и для нее требуются классификации новые. «Сие необыкновенное творение, — писал Шаликов в 1831 г., — не подходит под обыкновенные вопросы о роде, форме и проч. и проч. Нет! на нем лежит особенная, или лучше сказать, собственная печать. ‹…› “Борис Годунов” будет началом новой классификации» [Шаликов 1831][2].

В истории русско-французских отношений Шаликов сыграл важную роль по крайней мере тем, что именно в его «Дамском журнале» в марте 1830 г. был помещен первый в России перевод из Бальзака — отрывок из «Физиологии брака» под названием «Мигрень». Однако этим его роль, разумеется, не

[1] Данные уточнены по наиболее полной на сегодня биографии Шаликова в словаре «Русские писатели. 1800–1917» (статья И. С. Булкиной и Е. Э. Ляминой; т. 7, в печати).

[2] Об отношении Пушкина к Шаликову см.: [Дрыжакова 1995–1996].

ограничивается. В 1810-е годы он неоднократно выступал в печати как переводчик с французского, причем не только переводил французских авторов, но и сопровождал перевод многочисленными и порой довольно пространными примечаниями. Особенно богаты такими примечаниями две переведенные Шаликовым книги Шатобриана. Именно они и станут предметом рассмотрения в данной статье.

Шаликов перевел книги Шатобриана «Itinéraire de Paris à Jérusalem» (1811) и «Souvenirs d'Italie, d'Angleterre et d'Amérique» (1815). Последнюю не следует путать с «Путешествием в Америку» («Voyage en Amérique»), впервые увидевшим свет в декабре 1827 г. в шестом и седьмом томах полного собрания сочинений Шатобриана, которое выходило у парижского издателя Ладвока. «Воспоминания об Италии, Англии и Америке» — сборник, составленный из фрагментов уже опубликованных сочинений Шатобриана: «Опыта о революциях» (1797), «Гения христианства» (1802) и статей начала 1800-х годов из журнала «Французский Меркурий» («Mercure de France»). Впервые сборник был опубликован в Лондоне у Генри Колбурна в 1815 г., а затем переиздан в Петербурге у Александра Плюшара в 1816 г.; именно с этим изданием, по всей вероятности, имел дело Шаликов.

Первым Шаликов опубликовал перевод «Itinéraire» — трехтомные «Путевые записки из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж, в первом пути чрез Грецию, а в возвратном чрез Египет, Варвариские земли и Гишпанию Ф. А. Шатобриана. Перевод с французского, с третьего издания». Первые два тома вышли в 1815 г., а третий — в 1816 г.; имя переводчика, не обозначенное на титульном листе, раскрыто в каталоге Российской национальной библиотеки.

В следующем, 1817 году вышли в свет двухтомные «Воспоминания об Италии, Англии и Америке. Сочинение Шатобриана». Здесь имя переводчика уже обозначено на титульном листе: «Перевел К[нязь] П. Шаликов».

Прежде чем перейти к анализу шаликовских подстрочных примечаний к переводам Шатобриана, следует сказать несколько слов вообще о культуре авторских примечаний в конце XVIII — начале XIX в. В это время считалось совершенно нормальным сопровождать поэтические произведения прозаическими авторскими примечаниями, включающими разнообразные сведения из истории, географии, мифологии, поэтики, факты из биографии писателя, варианты истолкования текста и полемику с литературными противниками (см. подробнее: [Мильчина 1978; Кузьмина 2009]). В статье Н. А. Кузьминой приведена подробная классификация таких примечаний, в которых содержатся обстоятельства создания стихотворного текста; реальная событийная канва, послужившая для него основой; реалии, входящие в «личную сферу» поэта; сведения об исторических событиях, античных, библейских и мифологических героях и сюжетах; этнографические реалии; имена лиц, обозначенных перифрастическими конструкциями; интертекстуальные ссылки; метаязыковой комментарий[3].

[3] Пояснения к тексту, располагающиеся под строкой или за текстом, могут называться или примечаниями, или комментариями; в данной статье я придерживаюсь позиции, сформулированной в указанной статье: «Разница между примечаниями и комментарием весьма условна», и разграничивать их далеко не всегда обязательно [Кузьмина 2009: 170].

Примечания (иногда располагавшиеся за текстом, но чаще подстрочные) аккомпанировали текстам, переключая их в другой стилистический регистр, и разъясняли все, что не поместилось в основной текст. Приведу лишь несколько примеров из огромного множества. Поэт Аким Нахимов в стихотворении «На получение кандидатского достоинства» (1808) к строке: «Невежды, прочь! А ты, Дедалов правнук Блум, / В столярном мастерстве яви свой дивный ум» делает к имени Блум примечание, отсылающее к «личной сфере»: «Известнейший в городе столяр» [Поэты-сатирики 1959: 213]. А. С. Шишков к «Стихам для начертания на гробнице Суворова», тексту из двух десятков строк, делает 15 «исторических» примечаний, разъясняя строки «С полками там ходил, где чуть летают птицы» («Известен славный переход его чрез Альпийские горы»), «Одною пищею с солдатами питался» («Он часто едал с ними кашицу») или «Чужой народ его носил на головах» («В Италии, когда он въезжал в какой город, народ выбегал навстречу к нему, отпрягал лошадей у его кареты и вез его на себе») [Поэты 1971: 359–361]. Наконец, сам герой нашей статьи, Шаликов, в послании «В. Л. Пушкину» (1812) к строке: «Сокройтесь, от меня, *словесники*!» делает метаязыковое примечание, метящее в круг «Беседы любителей русского слова», представителей которого он в этом же послании именует «славяноманами»: «Так некоторые переводят слово литератор (!!), если не ошибаюсь» [Там же: 643].

Поэты фактически отказывают поэтическому тексту в самодостаточности и считают необходимым разомкнуть его в пространство повседневного быта, истории и / или литературной полемики. Это именно тот метод комментирования, который имел в виду Ю. Н. Тынянов, когда бросил по поводу пушкинских примечаний к «Евгению Онегину» короткую фразу: «Пародирует сам метод» [Тынянов 1968: 141][4].

Однако примечаниями в первой трети XIX в. снабжали свои произведения не только поэты или прозаики, но и переводчики. Если «автопримечания» писателей начала XIX в. уже становились предметом рассмотрения исследователей[5], то примечания переводчиков-литераторов того же времени, насколько мне известно, редко привлекали внимание[6]. Автор недавней статьи о примечаниях переводчика рассматривает только современный материал, замечая, что в ее цели «не входит рассмотрение переводческих комментариев в исторической перспективе» [Алексейцева 2009: 119]; на современном материале основаны и другие статьи о примечаниях переводчиков [Алексеева 2012; Евсеева 2012].

[4] О специфике пушкинских примечаний к собственным произведениям вообще и к «Евгению Онегину» в частности см.: [Чумаков 1976] (переизд.: [Чумаков 2008: 125–150]). чрезвычайно тонким суждениям исследователя о художественной значимости пушкинских примечаний можно прибавить лишь одно: пародийность некоторых пушкинских примечаний к роману в стихах заключается не только и не столько в их шутливости, ироничности, полемичности и т. д., но прежде всего в их подчеркнутой избыточности; эти примечания, информирующие читателя о том, что Юлия Вольмар — героиня «Новой Элоизы», а Август Лафонтен — «автор множества семейственных романов», сообщают современникам Пушкина то, что они, по всей вероятности, и так знали (и роман француза Руссо, и романы немца Лафонтена были в России неоднократно переведены и чрезвычайно популярны), и «пародируют метод» именно этой своей тавтологичностью.

[5] Помимо упомянутых выше работ Чумакова и Кузьминой, см. замечательную статью Ю. М. Лотмана о примечаниях Пушкина к собственным поэмам: [Лотман 1995].

[6] О некоторых случаях автокомментария переводчиков более ранней и более поздней эпох см.: [Евдокимова 2006; 2009; Дерюгин 1985: 91; Гаспаров 1999].

В случае же Шаликова перед нами — примечания, написанные в начале XIX в., принадлежащие переводчику-литератору, и примечания эти оказываются элементом текста гораздо более разнообразным и гибким, нежели примечания современных профессиональных переводчиков к переводимым ими произведениям.

Шаликов здесь, разумеется, не уникален. Не касаясь в данной работе вопроса о существовании подобных переводческих комментариев к другим переводам начала XIX в., возьмем для сравнения только другие переводы того же «Путешествия из Парижа в Иерусалим», появившиеся практически одновременно с изданием Шаликова[7]. Мы найдем и в них примечания переводчика, причем порой даже гораздо более пространные и выразительные, чем у Шаликова.

Практически одновременно с шаликовским переводом книга Шатобриана о путешествии в Иерусалим вышла в Петербурге в переводе «Императорского военно-сиротского дома священника и законоучителя» (как обозначено на титульном листе) Иоанна Грацианского [Грацианский 1815–1817]. В этом издании встречаются два весьма эмоциональных, хотя и совершенно не обязательных примечания. К словам Шатобриана «Спаситель имел лицо, обращенное к северу во время своего Вознесения» Грацианский делает примечание: «Следовательно, Иисус Христос смотрел при вознесении своем прямо на Россию» [Там же (2): 219]. А когда Шатобриан, рассуждая о переносе памятников искусства во Францию и о том, что, лишенные мест, для которых были созданы, они потеряют часть красоты, пишет:

> Впрочем, надобно признаться, что польза Франции, слава нашего отечества и тысяча других причин могли требовать преселения [sic!] памятников, завоеванных нашим оружием; но изящные художества, взятые сами в себе, как бы принадлежа к стороне побежденных и к числу пленных, имеют, может быть, право сим оскорбляться, —

Грацианский по этому поводу восклицает: «Кажется, переводчик может оставить сие место без всякого замечания; — кто не любит своего отечества?» [Там же (1): 217]. Однако эти случаи — исключение, а не правило, вообще же примечаний у Грацианского мало (гораздо меньше, чем у Шаликова), и в основном они поясняют непонятные, по мнению переводчика, слова. Так, Грацианский сообщает читателю, что Парфенон — это «храм Минервин в Афинах» [Там же (1): 15], что «ироки» (*iroquois*) — «американцы в Канаде» [Там же (1): 229], что тартана — «морское судно, употребляемое на Средиземном море» [Там же (1): 248], а «рейдинкот» — «платье, употребляемое в верховой

[7] Такая конкуренция при переводе сочинений знаменитых авторов была явлением довольно распространенным; любопытный отголосок ее находим в примечании, завершающем третий том переведенной Шаликовым «Истории Генриха Великого» графини де Жанлис: «Прошу благосклонных читателей некоторые ошибки, вкравшиеся во все три части, причислить к типографическим, как например в иных местах поставлено: в Бургоньи, Бретания, Скалижер вместо Скалигер, Бретань, в Бургони, и прочие сим подобные ошибки. Поспешность, которую требует перевод книги любопытной, для того чтобы не вышел другой перевод скорее, бывает обыкновенно причиною погрешностей не только в словах, но и в слоге» [Жанлис 1816 (3): 288].

езде» [Там же (2): 46]. Ни рефлексий над собственным переводом, ни примечаний литературно-критического или публицистического характера, которых, как будет показано ниже, немало в переводе Шаликова, у Грацианского нет.

У третьего переводчика «Itinéraire», Евграфа Филомафитского (который, впрочем, поместил в издаваемом им журнале «Украинский вестник» не всю книгу Шатобриана, а только несколько отрывков из нее) примечаний немного, но зато все они более чем индивидуальны. Когда Шатобриан заводит речь об арабских лошадях, переводчик вдруг пускается в воспоминания:

> Мне также удалось видеть у одного помещика В. Губернии Арабского жеребца, отнятого во время войны из-под наездника и которому уже около 30 лет: стать его до сих пор как нельзя лучше, шерсть мягкая, как шелк, и почти розовая, ни зуба во рте [sic!]; кормится только из рук моченым хлебом и содержится только для редкости; но когда сел на него человек — как он поднялся и прибодрился [sic!] как пошел — хотя и на одну только минуту! [Филомафитский 1817: 33].

Отмечу также реплику Филомафитского по поводу шатобриановского определения Александра Македонского как «человека, подобного Богу»:

> Конечно, языческому. Много бы можно было сказать вопреки сему заключению Шатобриянову; особливо похвала победам Александровым бросает некоторую тень соотношения на времена и героя, недавно наше полушарие бременившего; но писать суд им еще — я не посмею. *Примеч. перевод*. [Там же: 326].

А в самом конце своей публикации, растянувшейся на несколько номеров, Филомафитский помещает целое рассуждение метатекстуального характера, содержащее связное изложение его переводческих принципов, причем характерно, что он придает ему форму не предисловия, а именно примечания, чем лишний раз доказывает, насколько емким был этот элемент текста в описываемую эпоху:

> Помещая сии отрывки из Шатобрианова Путешественника в своем журнале, я знал, что вся книга сия переведена уже на русский язык и напечатана. Но моя цель и цель переводчика были совершенно различны: я хотел только сообщить моим читателям картинные места Автора, — который, при всей учености его и богатых сведениях от путешествий, единственное достоинство и существенное по большой части имеет в описании картин природы — в присоединении к оным новых и блестящих мыслей нравственных. В этом он между новейшими писателями точно единствен; и где уклоняется от своего Гения, — а следует путешественникам — описывающим долготу, широту места, камней тяжесть, высоту гор и проч., и проч. — там не всякий согласится читать его для удовольствия вместе и пользы. Притом же отрывок можно перевести с большим тщанием, нежели целую книгу. И даже я желал бы, чтоб напр[имер], несравненное путешествие Анахарсиса в сто рук было переводимо: тогда бы только, кажется, по собрании лучших переводов в одно место, узнали мы

> русские по-русски достоинство труда Бартелеми[8]. И вот — еще увлекаемый порывом мыслей своих прибавлю — вот какая, кажется, должна быть цель наших ученых обществ: не смотреть, что такая-то классическая книга переведена уже (хотя б даже и обществом же она была издана); а препоручить членам своим без всякого пристрастия и корыстолюбия всякому свое дело (свое, говорю, дело — т. е. не заставлять натуралиста или даже историка переводить произведение изящной словесности или математика — нравственность), собрать переводы или сочинения, перечитать и пересмотреть (но не как обыкновенно делают цензоры, когда смотрят — нет ли в сочинении чего не позволенного политическим законом — а не смотрят, что сочинение ругается всем законам изящного вкуса), — и тогда издать в свет уже подлинно *образцовое* сочинение или перевод. Издат[ель] Ф[иломафитск]ий [Филомафитский 1818: 66–68].

Таким образом, и другие переводчики Шатобриана не отказывали себе в удовольствии сопроводить переводимый текст собственными соображениями, порой весьма пространными. Но Шаликов и на их фоне оригинален, потому что его примечания, среди которых встречаются и «метатекстуальные» рассуждения, как у Филомафитского, и апелляции к собственному национальному опыту, как у Грацианского, гораздо более многочисленны и разнообразны.

Разумеется, было бы преувеличением сказать, что шаликовские примечания исполняют ту инновационную роль, которую, как показала Н. В. Брагинская [2007], часто играют комментарии в традиционных культурах. Однако они безусловно более самобытны, чем обычные поясняющие примечания современных профессиональных переводчиков, и потому достойны подробного рассмотрения.

Ниже я сначала предложу классификацию примечаний Шаликова к Шатобриану, а затем покажу, что, переводя других авторов, а также сочиняя свою собственную прозу, Шаликов точно так же не скупился на примечания. В случаях, когда Грацианский обращал внимание на те же места, что и Шаликов, я буду параллельно приводить его реакции. Все цитаты из Шатобриана приводятся в переводе самого Шаликова.

Типы примечаний Шаликова к «Воспоминаниям об Италии, Англии и Америке» и «Путевым запискам из Парижа в Иерусалим» Шатобриана

1. Примечания энциклопедические.
2. Примечания метаязыковые:
   а) отсылки к оригиналу;
   б) перевод иностранных слов;
   в) рефлексия по поводу отрывков других авторов, цитируемых в тексте Шатобриана: выбор перевода и ссылка на источники;

[8] Имеется в виду книга «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию в середине четвертого века до рождества Христова» аббата Бартелеми, впервые вышедшая в 1788 г. и затем неоднократно переиздававшаяся, — романизированный компендиум знаний об античной Греции.

г) рефлексия по поводу собственного перевода.
3. Примечания литературно-критические.
4. Примечания публицистические.
5. «Примечания русского».
6. Примечания переводчика, параллельные авторским.

1. Примечания энциклопедические

К таким примечаниям относятся все те, где Шаликов, совершенно так же, как современный профессиональный комментатор старинного текста, поясняет экзотические иностранные и/или древние реалии. Я специально привожу их в довольно большом количестве, чтобы показать, что Шаликов занимался комментированием переводимого текста систематически.

Начнем с примечаний к «Путешествию из Парижа в Иерусалим», или, в переводе Шаликова, «Путевым запискам из Парижа в Иерусалим», поскольку их Шаликов выдал в свет раньше, чем «Воспоминания об Италии, Англии и Америке».

Слово *сенешали* Шаликов комментирует так: «Сенешалы были в древнем Французском правлении предводители рыцарства, дворянства целой провинции, когда они бывали созываны [sic!] в поход против неприятеля; а иногда Сенешалы были верховные судии той же провинции» [Шаликов 1815–1816 (1): 4]; о слове *гондолы* сообщает, что это «лодки особенного построения и во всеобщем употреблении в Венеции» [Там же (1): 6]. К словам Шатобриана «ужасной величины ястреб, сидящий на вершине сухого дерева, казалось, ожидал на нем проходу какого-нибудь Авгура» Шаликов делает примечание: «Авгуры, так назывались у древних Греков и Римлян предвозвестники или провещатели, особенно же те, кои усматривали для сего птичий полет по сидку [sic!] и проч.» [Там же (1): 54]. Когда Шатобриан упоминает «надпись, писанную Бустрофедоном», Шаликов поясняет это слово: «Род письма, в котором начиная писать слева направо, по окончании строчки заворачивались и продолжали справа налево, и так далее» [Там же (1): 67][9]. К слову *бабуши* следует примечание: «Род туфель или полусапожек, обыкновенно без подошев [sic!], шьющихся из той же кожи, из чего и верх» [Там же (1): 75]; это же слово Шаликов поясняет чуть-чуть иначе и в примечании ко второму тому книги Шатобриана: «Род сапожек и обыкновенно сафьянных без подошев» [Там же (2): 65]. В Мизитре, или Мистре на развалинах Спарты Шатобриан встречает больного мальчика, мать которого «навешала ладонок и подвязала чалму на гробницу одного Сантона»; Шаликов поясняет последнее слово: «Род святых и святош, весьма чтимых у мусульманов» [Там же (1): 75]. Он сообщает своим читателям, что минареты — «род высоких и тонких башен при магометанских мечетях, с коих призывают народ на молитву», а «баклоны» (в оригинале *cigognes*, т. е. аисты) — «род цаплей; в Священном Писании они упоминаются и по-славянски именуются *Еродии*» [Там же (1): 170]. Когда в тексте упоминается «крик Альционов», Шаликов поясняет это слово сразу несколькими ва-

[9] Грацианский вышел из положения иначе. Бустрофедон он переводит описательно: «надпись, казалось мне, была писана *взад и вперед беспрерывно*», а в примечании цитирует оригинал: «En boustrophedon» [Грацианский 1815–1817: 1, 69].

риантами: «Морская птица, Зимородок, Ледешник» [Там же (1): 222][10]. Когда Шатобриан сообщает, что претерпевает тяготы путешествия «из почтения к публике и чтоб выдать для нее сочинение менее недостаточное, чем Дух веры Християнской», примечание разъясняет, что имеется в виду «Известное уже и славное сочинение Автора» [Там же (2): 15][11].

Шаликов объясняет своим читателям, что такое дромадеры: «Род вельблюдов [sic!], имеющих два горба на спинах» [Там же (2): 34] и что такое оазисы: «Так называются возвышенные земли, как бы острова, средь песчаных степей в Африке находящиеся и свежестию своей зелени, изобилием вод чрезвычайную противоположность составляющие с бесплодностию, пустотою и ужасом сих песчаных морей» [Там же (2): 31], что такое «овчая купель (piscine Probatique)» в Иерусалиме: «Возле которой Иисус Христос исцелил расслабленного» [Там же (2): 299] и что такое сирта: «Род отмели при Африканском береге» [Там же (3): 116].

Впрочем, не нужно думать, что Шаликов поясняет только слова из восточного лексикона; французские реалии тоже удостаиваются примечаний. Например, фразу «сторона сия похожа на Боскую после жатвы» Шаликов сопровождает следующим примечанием: «Небольшой уезд во Франции близ Орлеана» [Там же (2): 63], при упоминании «знаменитого архиепископа Камбрийского» поясняет, что это Фенелон [Там же (3): 78], а когда Шатобриан сообщает, что в Смирне у купцов нашел «щеголеватых женщин, точно как бы получивших в то же утро модные наряды свои от Леруа», Шаликов поясняет фамилию Леруа: «Славная тогда модная лавка в Париже» [Там же (2): 31][12].

Целый ряд шаликовских пояснений носит историко-культурный характер. К фразе Шатобриана «Я проездил 50 тысяч франков по дорогам и оставил в подарок белье свое и оружие. Если б еще несколько путешествие мое продолжилось, мне бы пришло [sic!] возвратиться пешим с белым костылем» Шаликов делает примечание: «Таковые носили в старину пилигримы, когда они хаживали по обещанию к Святым местам» [Там же (1): 212]. Слова «После сего, по принесении Царем жертвы и по рассмотрении внутренности закалаемых [sic!]…» сопровождает пояснением: «Особый род предузнания у древних язычников» [Там же (3): 78], а когда Шатобриан пишет о некоем турке, что он «не удостоил ни словом собаку», Шаликов комментирует последнее сло-

[10] У Грацианского «зимородок» фигурирует в самом переводе, примечание же гласит: «Морская птица» [Грацианский 1815–1817 (1): 233] и не может не напомнить пародийный комментарий, приведенный в качестве антиобразца М. Л. Гаспаровым: «Удод — такая птица» [Гаспаров 2000: 255].

[11] При первом упоминании той же книги Шаликов вводит ее определение прямо в текст; в его переводе фраза Шатобриана звучит как «Я сам их забыл в книге моей, *дух веры Христианской*» [Шаликов 1815–1816 (1): 240], хотя у Шатобриана просто: «Je les ai oubliés dans le *Génie du christianisme*» [Chateaubriand 1969: 891]. Грацианский в этом случае более обстоятелен; он тоже переводит название знаменитой книги Шатобриана как «Дух христианства», но в примечании не только поясняет, что имеется в виду, но и дает французское название: «Génie du christianisme — весьма известное сочинение Г[осподина] Шатобриана на франц[узском] языке» [Грацианский 1815–1817 (1): 258].

[12] Ср. пояснение в современном комментированном издании Шатобриана: «Леруа, портной Императрицы, а затем герцогинь Ангулемской и Беррийской; лавка его располагалась по адресу: улица Ришелье, 89» [Chateaubriand 1969: 1707].

во: «Турки сим именем почти всегда ругают Христиан» [Там же (2): 111][13]. Фразу «Югурта принудил Римскую армию подойти под ярем…» Шаликов в примечании сопровождает целой исторической справкой: «У Римлян самое постыдное считалось иго, наложенное на побежденных, когда их вынуждали к сему обряду, состоящему в том, что каждый должен был подойти под два копья, водруженные в землю, сверх коих третье поперек полагалось; сие-то называли подойти под ярем, в знак покорности и некоторым образом рабства, относительно победителей» [Там же (3): 169–170], а по поводу фразы «Святой Лудовик ‹…› пошел принять Орифламу» сообщает, что орифлама — «королевское знамя, которое французские цари всегда брали с собою, когда ходили на войну» [Там же (3): 207].

Примечания к «Воспоминаниям об Италии, Англии и Америке» более лаконичны, но столь же информативны. Шаликов сообщает читателям, что Монблан (у Шаликова Мон-Блан) — это «белая, или снежная гора» [Шаликов 1817b (1): 56], что катакомбы — «пещеры около Рима, где древние римляне погребали мертвых» [Там же (2): 19], что «кардинал», чей «тихий свист» упомянут у Шатобриана, — «птица величиною с небольшого попугая; нос и до шеи перья у нее красные» [Там же (1): 101], что «Пика на острове сего же имени» — «гора посреди острова Пико или Пика, одного из островов Азорских» [Там же (1): 120], а «озеро Фронтенакское», в которое впадает река Ниагара, — это «большое озеро в Канаде, которое называют также *Онтарио*» [Там же (1): 150].

2. Примечания метаязыковые

Эти примечания я бы назвала сугубо переводческими, потому что они все в той или иной степени относятся к переводческой деятельности и поясняют ее.

а) отсылки к оригиналу

Самый простой случай — это когда Шаликов дает в примечании французские оригиналы слов, перевод которых, по его мнению, не является общепринятым и общераспространенным. Исследователи предполагают, что Шаликов по выходе в отставку, возможно, слушал какие-то курсы в Московском университете и, вероятно, его знание французского — оттуда. Однако точных сведений относительно его образования нет; приходится ограничиться предположениями. Как бы то ни было, французский он знал неплохо. По всей вероятности, сопровождая свои переводы некоторых слов отсылками к их оригинальной французской форме, он исходит не из их отсутствия в двуязычном словаре, а из собственных представлений о привычности или непривычности русских эквивалентов этих слов, поскольку все они присутствуют в последнем по времени перед выходом его пере-

[13] Сам Шатобриан ограничился тем, что выделил «собаку» курсивом: «sans daigner dire un mot favorable au *chien*» [Chateaubriand 1969: 966]. Так же точно поступает Грацианский [Грацианский 1815–1817 (2): 50], выделяющий «собаку» курсивом, но никак это не поясняющий. Впрочем, он разъясняет в этом фрагменте другое место («должны заплатить десять мешков»): «Так у турок платят деньги. Каждый мешок содержит 500 рублей». Шаликов оставил те же мешки без разъяснений.

водов французско-русском словаре [Татищев 1798][14]; в некоторых же случаях, как, например, в примечании к слову *sérieux*, о котором речь пойдет ниже, можно даже предположить полемику с этим словарем.

К словам «пышное стечение вод» Шаликов делает сноску и пишет в примечании «Confluent» [Шаликов 1817b (1): 182]; ср. в «Полном французском и российском лексиконе»: «стечение, соединение в одно место двух рек, устье» [Татищев 1798 (1): 320]. К упоминанию «водопадов и стремнин» он делает примечание «Rapides» [Шаликов 1817b (1): 212]; ср. в «Лексиконе»: «Le cours rapide d'un fleuve — быстрое течение реки» [Татищев 1798 (2): 457]. К фразе Шатобриана «Я вспомнил, что в ребячестве вылечили меня от лихорадки белолиственником или чертопологом» [Шаликов 1815–1816 (1): 76] сделано примечание «Petite centaurée»; ср. в «Лексиконе» перевод слова *centaurée* как «золототысячник, трава» [Татищев 1798 (1): 241]. Наконец, к словам «Средняя башня в замке» [Шаликов 1815–1816 (2): 293] относится примечание «Le donjon»; ср. в «Лексиконе»: «Башенка на замке, самое возвышенное место в замке, которое строится наподобие башни» [Татищев 1798 (1): 490]. Как видим, все те слова, которые Шаликов счел необходимым пояснить французскими оригиналами, присутствуют в «Полном французском и российском лексиконе» порой в точно такой же, а порой в несколько иной форме, но Шаликов ориентировался, видимо, на собственное чутье.

б) перевод иностранных слов и выражений

В упомянутой выше статье Н. А. Кузьмина пишет (впрочем, о поэзии, а не о прозе), что в XIX в. все читатели в основном знали иностранные языки, «поэтому, несмотря на обилие фраз на иностранном языке и даже текстов, целиком написанных, например, на французском, поэты, как правило, не дают примечаний-переводов» [Кузьмина 2009: 174]. Подход Шаликова к попадающимся во французском тексте Шатобриана словам и выражениям на других языках не подтверждает этого вывода; Шаликов не считает лишним перевести (не указывая, правда, с какого языка) выражения итальянские или латинские. Так, он переводит «с сердцем limpido et bianco»: «Искренним и чистым» [Шаликов 1815–1816 (2): 110], к словам «находит эту жизнь ‹…› un vero paradiso» дает перевод: «Истинным раем» [Там же (2): 111][15], а латинскую фразу «Docete omnes gentes!» сопровождает переводом: «Учите все народы!» [Там же (2): 250][16]. К фразе «Мы недалеко находились от острова Лотофагов» Шаликов делает примечание: «Лотоядцев» [Там же (3): 118]. К числу переводов иностранных слов можно отнести и примечание «Копеек», сделанное к словам «Я подал несколько мединов…» [Там же (2): 136][17].

---

[14] О французско-русских словарях XVIII — начала XIX в. см.: [Биржакова 2013; Григорьева, Кижнер 2018].

[15] Грацианский тоже переводит эти выражения, но не в примечаниях, а прямо в тексте в скобках [Грацианский 1815–1817: 2, 48–49].

[16] Грацианский в этом случае вообще опускает латинский текст и дает фразу сразу на церковнославянском: «шедше научите вся языки!» [Грацианский 1815–1817 (2): 194].

[17] Грацианский тоже счел необходимым пояснить «мединъ»; сначала он определил его как «то же, что пара, или три копейки на наши деньги», но затем внес исправление: «На наши русские деньги пиастр стоит 60 копеек, а пара три деньги; на стр. 204 ошибкою напечатано, что пара стоит три копейки» [Грацианский 1815–1817 (2): 204, 345].

в) рефлексия по поводу отрывков других авторов, цитируемых в тексте Шатобриана: выбор перевода и ссылка на источники

Когда в тексте Шатобриана встречаются стихотворные или прозаические фрагменты сочинений других авторов, перед переводчиком встает проблема: как с ними обходиться? Шаликов решает эту проблему по-разному в зависимости от характера цитируемого фрагмента и всякий раз поясняет свое решение.

В самом начале «Путешествия из Парижа в Иерусалим» Шатобриан цитирует средневекового хрониста Жана де Жуанвиля. Он дает эту цитату в своем переводе, но сопровождает ее примечанием: «Вся выписка сия, так как писана древним французским языком, то я счел, что приятно будет некоторым читателям видеть ее здесь в природной ее красоте», после чего здесь же в примечании приводит весь фрагмент целиком в оригинале [Шаликов 1815–1816 (1): 3–4][18].

Так Шаликов обходится с прозаической цитатой, что же касается цитат стихотворных, то порой он просто приводит их в оригинале без перевода, но в примечании обосновывает эту тактику. Например, в «Воспоминаниях об Италии, Англии и Америке» он приводит цитату из Эвариста Парни по-французски со следующим обоснованием в примечании: «Шолье, Лафонтен, Жильбер, Парни так знакомы просвещенным нашим читателям; стихи их поэтому так всем памятны, что я не почел за нужное и не осмелился переводить их. Другого рода читатели без сомнения равнодушны к ним» [Шаликов 1817b (2): 91]. В этой же книге цитата из трагедии Вольтера «Меропа» приведена по-французски без всякого комментария [Там же (1): 48]. В «Путевых записках» Шатобриан цитирует по-английски Мильтона, а затем приводит те же строки во французском переводе Делиля; Шаликов поступает так же, но Делиля уже оставляет без перевода [Шаликов 1815–1816 (2): 251–252].

Впрочем, довольно часто Шаликов, приведя в основном тексте стихотворную цитату в оригинале, в примечании дает ее перевод — свой собственный или чужой; в последнем случае он указывает имя переводчика. Например, Шатобриан цитирует, даже не называя автора, известнейшую басню Лафонтена «Два друга»:

> Я был как оный друг, встревоженный сном, о коем описывает басня,
> и я охотно бы воротился к отечеству, чтоб сказать ему:
> Vous m’êtes, en dormant, un peu triste apparu:
> J’ai craint qu’il ne fût vrai ; je suis vite accouru.
> Ce maudit songe en est la cause.
> [Шаликов 1815–1816 (1): 149]

Шаликов дает в примечании стихотворный перевод этих трех строк (по-видимому, свой собственный, поскольку авторство перевода не указано; замечу, что перевод этот более точен, чем опубликованный еще в 1795 г. перевод литературного патрона Шаликова И. И. Дмитриева):

[18] Грацианский в этом случае ограничивается русским переводом без всяких комментариев.

Во сне немного ты мне грустен показался:
Бояся истины, тотчас к тебе примчался.
Проклятый этот сон тому виной.

Зато в примечании к Расину, процитированному и по-французски, и в русском стихотворном переводе, Шаликов сообщает: «Все стихи Расиновы взял я из переводов Федры и Аталии Алексея Михайловича Пушкина» [Шаликов 1815–1816 (2): 347][19]. Порой Шаликов проявляет в отсылках даже большую тщательность, чем сам Шатобриан, который, например, процитировав одну строку из поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим» по-итальянски, приводит дальше длинный фрагмент в прозаическом переводе Шарля-Франсуа Лебрена, но имени переводчика не называет[20]; напротив, Шаликов цитирует Тассо в русском стихотворном переводе и на свой источник ссылается: «Перевод сих стихов принадлежит известному Литератору и Пииту нашему Алексею Федоровичу Мерзлякову, который позволил мне украсить ими издание мое Путевых сих Записок» [Там же (3): 6][21].

Сходным образом там, где Шатобриан цитирует «Энеиду» в переводе Делиля, Шаликов дает русский перевод и оставляет французский текст, объясняя свою стратегию в примечании: «Я оставил здесь перевод сих Виргилиевых стихов на французском языке, сделанный славным Делилем; любители Поэзии могут сравнить как подлинник, так и переводы французский и русский; сей последний Господина Петрова»[22] [Там же (3): 201–203].

Ссылки на чужие переводы Шаликов дает не только в тех случаях, когда речь идет о французских авторах. Так, к переводу цитаты из «Иудейских древностей» (описание первого Храма) он делает следующее примечание: «Сие описание списал я от слова до слова из перевода Иосифовых древностей Иудейских, придворного священника Михайлы Сомуйлова» [Там же (2): 384][23].

Порой, имея дело с цитатами из других авторов, приведенными Шатобрианом, Шаликов не ограничивается пояснениями относительно выбранного им перевода и дает собственные комментарии содержательного или исторического характера. Так, к стиху из трагедии Расина «Гофолия» «Comment en un plomb vil l'or pur s'est-il changé?» (в переводе А. М. Пушкина — «Как злато чистое превращено в свинец?») Шаликов дает примечание: «В сем стихе разумеется Иоас, которого царствование не соответствовало воспитанию, данному ему Иоадом. Начало сие взято из Иеремии, гл. IV, стих 1» [Там же (2): 348]; речь идет о ветхозаветной книге «Плач Иеремии».

[19] Напротив, Грацианский приводит цитаты из трагедии Расина «Athalie» (в рус. пер. «Гофолия») в своем прозаическом переводе, а затем сообщает в примечании: «Признаюсь, что слабый перевод мой в прозе сих прекрасных Расиновых стихов не соответствует красоте подлинника и посему для знающих французский язык помещаю их в оригинале» [Грацианский 1815–1817 (2): 332–233].

[20] Указание на перевод Лебрена, впервые изданный в 1774 г., см. в [Chateaubriand 1969: 1731].

[21] Со своей стороны, Грацианский цитирует в переводе Мерзлякова только два стиха, а остальное переводит прозой [Грацианский 1815–1817: 3, 13].

[22] Имеется в виду перевод «Энеиды», выпущенный Василием Петровичем Петровым в Петербурге в 1781–1786 гг.

[23] Трехтомный перевод Михаила Самуйлова (у Шаликова — Сомуйлова) вышел в Санкт-Петербурге в 1779–1783 гг. (2-е изд. — 1795).

Сходным образом к фразе Шатобриана в рассказе о пребывании в Карфагене: «Все знают счастливый Анахронизм Енеиды» — Шаликов дает пространный комментарий, причем, в отличие от подавляющего большинства своих примечаний к «Путевым запискам», указывает на свое авторство, ставя в конце: «*Замеч*[*ание*] *Перевод*[*чика*]»:

> Анахронизм, слово греческое, означающее ошибку во времени, при описании какого-либо события. Виргилий, сближивший в Поэме своей Енея с Дидоной, сделал, конечно, Анахронизм: ибо История нас научает, что Еней умер в Италии в 1198 году до Рождества Христова, а Дидона прибыла в Африку в 883, следовательно, 315 лет после Енеевой смерти; впрочем и в основании Карфагена Дидоною Г-н Шатобриан ошибается: Карфаген основали в 1233 году до Рождества Христова; 480 лет до основания Рима, два тирянина *Зор* и *Кархедон*, Дидона же, прибывшая туда 350 лет спустя с своими сопутниками, увеличила город и пристроила к нему цитадель, названную Греками *Бирса* [Там же (3): 130].

г) рефлексия над собственным переводом

Этот раздел шаликовских метаязыковых примечаний представляет, пожалуй, наибольший интерес. В целом ряде случаев Шаликов в примечании объясняет, почему он выбрал для перевода именно это, а не иное русское слово. Например, Шатобриан описывает внешний облик греческих крестьян, которые «носят полукафтанье по колено» и «обувь, из плесниц состоящую». Шаликов комментирует:

> Я перевел tunique полукафтаньем, хотя это не совсем то, но у нас нет слова для названия сей исподней одежды; она иногда совсем без рукавов, а иногда только с короткими рукавами по локоть бывает[24]. ‹…› Плесница или сандалия есть обувь, известная у древних и даже у монашествующих; она обыкновенна всем тем, кои ходят босоноги: ибо состоит только в роде подошвы, подвязывающейся перевязками, которые переплетаются до колена [Шаликов 1815–1816 (1): 126][25].

[24] Добавлю, что в другом месте той же книги Шаликов передает *tunique* как «тюника» и поясняет значение этого галлицизма в примечании: «Род ризы, исподнего одеяния» [Шаликов 1815–1816 (1): 181]. Использованные Шаликовым варианты указаны в «Полном французском и русском лексиконе» [Татищев 1798 (2): 778–779]. «Полукафтанье» стоит на первом месте, а далее следуют «подрясник, кафтан, риза». Замечу, что далеко не все русские переводчики были столь осторожны при переводе слова *tunique*; так, анонимный переводчик книги Жюля Жанена о знаменитом миме Дебюро, описывая выступление бродячих артистов, переводит *tunique* как «кафтан», хотя понятно, что кафтан не самая подходящая одежда для акробатов и канатоходцев [Жанен 1835: 22].

[25] В оригинале *sandales*; ср. перевод этого слова в словаре 1798 г.: «Сандалии, плесницы, обувь, употребляемая монахами, которые босиком ходят» [Татищев 1798 (2): 585]. У Грацианского без всяких пояснений *tunique* переведена как «короткий кафтан», а *sandales* как «сандалии» [Грацианский 1815–1817: 1, 132].

О женщине, прислуживавшей путешественникам в трактире, Шатобриан говорит: «Она была драпирована точно так же, как бывали древние гречанки, особенно в горизонтальных и волнистых складках, составляющихся под грудью». Слово *драпирована* откомментировано в примечании: «Слово drapée техническое и в языке нашем не имеется, а многими словами объяснить его мне казалось вовсе не прилично» [Там же (1): 181]. В самом деле, в «Лексиконе» *drapé* переводится как «обит, одет, обвешен» [Татищев 1798 (1): 498], однако слово это в русском языке к 1815 г. уже имелось; оно, например, зафиксировано в «Новом словотолкователе» Яновского: «Драпировать — покрывать или обивать сукном, бархатом стул, кровать, карету и проч.» [Яновский 1803–1806 (1): 758–759], хотя в широкое употребление вошло, согласно Национальному корпусу русского языка, в самом деле позже — с 1830-х годов.

Аналогичный лингвистический комментарий делает Шаликов к своему переводу фразы Шатобриана: «При вступлении в Ликургово отечество все мысли становятся сериозны, мужественны и глубоки»[26], а именно к слову *сериозны*: «В этом смысле мне казалось нельзя иначе выразить слово *sérieux* или *sérieuse*; ибо слова *важны*, *степенны* не соответствовали бы, по мнению моему, мыслям Автора» [Шаликов 1815–1816 (1): 172]. Замечу, что «Лексикон» не дает в качестве перевода *sérieux* галлицизм «серьезный», но предлагает целый ряд вариантов, который начинается именно прилагательными «важный, степенный» [Татищев 1798 (2): 622], так что в этом шаликовском примечании можно усмотреть полемику с «Лексиконом»; отсутствует *серьезный* и в «Новом словотолкователе» Яновского. Впрочем, Шаликов был не первым, кто использовал русское слово *серьезный*; оно, например, многократно повторяется в прозе и письмах Фонвизина. Напротив, Грацианский не счел необходимым к нему прибегнуть; у него те же три эпитета переведены как «важны, тверды и основательны» [Грацианский 1815–1817 (1): 181].

Порой пояснение перевода совмещается у Шаликова с историческим комментарием. Так, к упоминанию «миссии отцов Тринитаров» он делает примечание:

> Тринитары, по-русски можно бы было перевесть имя монашеского сего ордена Свято-Троицким[27]; но как сии у нас в Польше известны под именем Тринитаров, то я и оставил имя сие; сей орден, равномерно как и *отцов Милосердия* (père de la merci), уставлен для искупления пленных из неволи у неверных [Шаликов 1815–1816 (3): 124].

3. Примечания литературно-критические

Самое пространное и эмоциональное шаликовское примечание к Шатобриану касается отношения французского писателя к англичанину Шекспиру. В книгу «Воспоминания об Италии, Англии и Америке» вошла статья Шатобриана «Шекспир», впервые опубликованная в 1801 г. в журнале «Французский Меркурий». В первом, лондонском издании «Воспоминаний» английский издатель снабдил текст своими полемическими примечаниями, касающимися

[26] В оригинале «sérieuses, mâles et profondes» [Chateaubriand 1969: 856].
[27] Сейчас принят перевод «Тринитарии, или Орден Пресвятой Троицы».

английской литературы. Шаликов переводит критические реплики издателя, но однажды и сам подает голос, чтобы упрекнуть Шатобриана в непоследовательности. К шатобриановской характеристике Шекспира «Его описания надуты, искривлены; часто находит по оным человека с дурным воспитанием, который, не знав ни рода, ни тона, ни точной силы слов, помещает наудачу выражения пиитические между самыми площадными» Шаликов дает следующий комментарий:

> Это место Шатобриановой *филиппики* против Шекспира сильно противоречит тому, которое следует за прощальною сценою *Ромео и Юлии*. Там сочинитель говорит (и так справедливо!): c'est encore plus naïf que les Grecs[28]; «Шекспир не отходит от природы, говорит Г. Шатобриан, в своих чувствованиях и мыслях, а совсем не в выражениях». Когда бы я смел, то спросил бы у сего великого писателя: по чему же можно узнать о чувствах и мыслях, если не по выражениям, и как удалось Шекспиру превзойти в *простосердечии* самих греков, если он *вовсе* не наблюдает *простоты*? Если даже в *изящных сценах* язык его часто бывает *неестественным*? C'est encore plus naïf que les Grecs не выходит у меня из памяти [Шаликов 1817b (2): 142–143][29].

4. Примечания публицистические

Пространство примечаний позволяет Шаликову выступать в самых разных жанрах, в том числе в публицистическом. Поскольку оба его перевода выполнены и опубликованы почти сразу после победы над наполеоновской Францией, Шаликов особенно чувствителен к частым у Шатобриана хвалебным характеристикам французской нации и реагирует на них в духе русской антифранцузской публицистики 1812 г.[30]

Например, Шатобриан описывает, как в Иерусалиме в церкви Гроба Господня настоятель трижды ударил его по плечу мечом Годфрида Бульонского:

> Обряд сей впрочем не совсем был тщетен: я был Француз; Годфрид Бульонский был также Француз: сие древнее оружие, прикоснувшись ко мне, сообщало мне новую любовь к славе, к чести, к отечеству. Я, конечно, был не совсем свободен от укоризны, но всякий Француз может назваться чуждым страха [Шаликов 1815–1816 (3): 44–45].

В оригинале здесь употреблены слова *reproche* и *peur*: «Je n'étais pas sans doute *sans reproche*, mais tout Français peut se dire *sans peur*» [Chateaubriand 1969: 1123]. Шатобриан обыгрывает здесь прозвище прославленного рыцаря и полководца Пьера Террайля, сеньора де Баярда (1473–1524), «рыцарь без

[28] Это еще более простосердечно, чем в творениях греков (фр.).

[29] В другом почти одновременном переводе этого же очерка в «Вестнике Европы» [Шатобриан 1816] переводческих примечаний нет, кроме одного-единственного: там, где речь идет о раздоре в словесности, переводчик, обозначенный литерой «У», счел необходимым оговорить в примечании: «Разумеется, во Франции».

[30] Примеры этой антифранцузской и антигалломанской риторики см. в [Лейбов 1996].

страха и упрека», на что и указывает Шаликов в примечании, но этим не ограничивается и спешит отпустить колкость в адрес французов, которые, по его убеждению, отнюдь не безупречны:

> Sans peur et sans reproche. Некогда называли таковыми прямых французских рыцарей, как то: Баярда, Гастона и проч.; ныне же, если последнее прозвание *Бесстрашных* и принадлежит многим Французам, зато ни одного почти нет, которому можно было бы приписать первое» [Шаликов 1815–1816 (3): 44–45].

Разумеется, не проходит Шаликов и мимо фразы Шатобриана «Француз хотя может позабыть, но слова не сдержать не может» и комментирует ее так:

> Не надобно забывать, что сочинитель Француз; совершенно почтенно было бы для них, если б другие народы могли об них то же сказать, что он говорит в этом месте; итак все чрезмерные похвалы, каковые и впредь в сочинении сем относиться будут к Французам, в устах господина Шатобриана извинительны и даже похвальны [Там же (3): 56].

К фразе Шатобриана «Мы живем в веке чудес; каждый Француз кажется ныне призванным играть ролю необыкновенную» приложена реплика переводчика: «Не надобно забывать, что это пишет Француз» [Там же (3): 88].

И наконец, на утверждение Шатобриана, что «из роду в род Французы были верны Богу, Государю и чести», следует язвительная отповедь Шаликова, намекающая на поведение французов после бегства Наполеона с Эльбы и возвращения его в Париж: «Они это доказали весьма сильно в нынешнем 1815 году, особливо войско и военные чиновники, относительно законного государя своего Лудовика XVIII» [Там же (3): 208].

5. «Примечания русского»

В эту категорию я включила примечания, которые могли бы пополнить предыдущие категории; здесь есть примечания и литературно-критические, и метаязыковые, и энциклопедические, но все их объединяет одна особенность: в них комментатор подчеркивает, что они сделаны с точки зрения носителя русского языка, жителя России.

Особенно многочисленны случаи, когда Шаликов не только приискивает для французского слова русский эквивалент, но и дает к этому слову этнографический или даже автобиографический комментарий.

К фразе Шатобриана «На этом острову [Платанист] растет несколько шелковичных и смоковных деревьев; но чинаров нет» Шаликов делает примечание: «Платанист. Имя сего острова от Платана, по-русски Чинар» [Шаликов 1815–1816 (1): 112][31]. Когда в тексте идет речь о «розовых лаврах», Шаликов прибавляет от себя в примечании: «У нас называют их Олеандры» [Там же (1): 71], а когда Шатобриан делится своим впечатлением: «…вы полагали, что

[31] Согласно Национальному корпусу русского языка, в русском языке первой трети XIX в. употреблялись оба слова, и *платан*, и *чинар* — но второе чаще.

несколько шагов до вершины горы, и взбираетесь на нее три часа», Шаликов подтверждает его своими воспоминаниями:

> Сию оптическую истину, или лучше сказать заблуждение, я знаю на опыте. Гора Чатырдах, в Крыму, стоит, кажется, подле самого Симферополя; между тем как она в 35 верстах от него. Мне рассказывали там, что один француз, подъезжавший к Симферополю, выскочил из коляски, желая наперед *взбежать на Чатырдах*. — Как приятно смотреть из комнаты на сего грозного исполина природы, которого, кажется, достанешь рукою! [Шаликов 1817b (1): 71].

Порой примечания служат Шаликову для библиографической информации. К словам «Сочинитель *Иудейских писем*» он прибавляет французское название книги и сведения о ее русском переводе: «Lettres de quelques Juifs portugais etc. Книга сия находится в переводе и в нашем языке» [Шаликов 1815–1816 (2): 298][32].

А порой Шаликов использует примечания для того, чтобы подчеркнуть свою лояльность российского подданного. Переведя ссылку Шатобриана на сведения, находящиеся «в первом томе путешествия Господина Шуазеля и в Польской истории Господина Рюльера», он спешит засвидетельствовать свои расхождения с автором второй книги: «Довольно между прочим ничтожное сочинение и с великим писанное пристрастием» [Там же (1): 31], причем ставит в конце примечания: «З[аметка] П[ереводчика]», хотя большинство его примечаний к «Путевым запискам» подобной пометы лишены. Такая реакция неудивительна. Клод-Карломан де Рюльер (1735–1791), французский поэт и историк, в 1760 г. прибыл в Петербург в качестве секретаря французского посольства при после бароне де Бретёе и стал свидетелем переворота 1762 г., приведшего Екатерину II к власти. В 1768 г. Рюльер описал увиденное в сочинении под названием «История, или Анекдоты о перевороте в России в 1762 году», весьма нелестном для Российской империи. В нем Рюльер рисует картину государства, где всеми владеет страх и где деспотическая власть беспощадно угнетает всех подданных. Императрица хотела приобрести у Рюльера рукопись, но он отказался, пообещав лишь не публиковать ее до смерти Екатерины II, и в самом деле, книга вышла в свет лишь в 1797 г. (рус. пер. 1989). Понятно, что Шаликов поспешил «дистанцироваться» от Рюльера в примечании.

Наконец, последнее «примечание русского» носит литературно-критический характер. Шатобриан в очерке о Шекспире упоминает «разногласия во французском ученом свете», где «одни стоят за иностранные сочинения, а другие — за старую французскую школу». Это то самое место, к которому, как уже говорилось выше, переводчик «Вестника Европы» сделал примечание, уточняющее, что разногласия эти происходят именно во Франции. Вообще переводчик «Вестника Европы» здесь более точен; он упоминает о «ссоре,

[32] Речь идет о книге «Письма некоторых португальских, немецких и польских евреев к г-ну де Вольтеру» (1769), где автор, аббат Антуан Гене (Guénée, 1717–1803), полемизирует с Вольтером и опровергает его нападки на иудеев; обзор отношения Вольтера к иудеям см. в [Desné 1995]. Русский перевод Михаила Матвеевича Снегирева вышел в Москве в 1808–1817 гг. (ч. 1–6).

которая ныне разделяет республику словесности» [Шатобриан 1816: 105]; в оригинале: «La querelle qui divise aujourd'hui le monde littéraire» [Chateaubriand 1816 (2): 382]. Что же касается Шаликова, он, сам активно участвовавший в журнальных полемиках и потому знавший о «литературных разногласиях» не понаслышке, вставляет в текст от себя указание на то, что «ученый свет» — французский, но этим не ограничивается и — возможно, споря с переводчиком «Вестника Европы», — прибавляет свое «примечание русского», намекающее, по всей вероятности, на противоборство карамзинистов и шишковистов: «Русский переводчик не мог при этом месте не сказать самому себе: к сожалению, и в нашей *юной* словесности *не одна* школа!» [Шаликов 1817b (2): 153–154][33].

6. Примечания переводчика, параллельные авторским

В последний раздел я включила примечания разного характера: и энциклопедические, и «примечания русского». Объединяет их не содержание, а расположение на странице; дело в том, что в «Путевых записках» они порой сопровождают примечания к той же фразе, а порой и к тому же слову, что и примечания самого Шатобриана, который обильно снабдил ими свой рассказ о путешествии в Иерусалим.

Например, Шатобриан описывает свою встречу с греческим крестьянином: тот бежит за путешественником, но непонятно, чего он хочет; деньги он взять отказывается. «Янычар попытался прогнать его; он хотел бить Янычара. Меня это тронуло, не знаю почему, может быть от того, что я, просвещенный варвар, стал предметом любопытства Грека, соделавшегося варваром». В этом отрывке дважды употреблено слово *варвар*; так вот, к первому «варвару» относится примечание Шаликова: «Древние греки называли варварами все народы, не принадлежащие их поколению, кроме Египтян», а ко второму — примечание Шатобриана: «Эти Греки нагорные почитают себя потомками лакедемонцев; они говорят, что Майноты не что иное, как скопище разбойников иноземных; они в этом правы» [Шаликов 1815–1816 (1): 127]. В другом месте Шаликов с позиции носителя русского языка комментирует слово *носильщики*: «В наших пристанях известны они под названием Дрягили, от немецкого слова Трегер[34]» [Там же (2): 24], а уже к следующей фразе, где упомянуто увиденное Шатобрианом в Смирне «множество шляп», сделано примечание самого Шатобриана: «Чалма и шляпа составляют главное отличие Франков от Турок, и в Левантском наречии количество людей именуют шляпами и чалмами»[35].

Не всегда примечания автора и переводчика находятся в таком непосредственном соседстве, но зачастую очевидно, что они однотипны. Например,

[33] Следует особо отметить употребление Шаликовым выражения «юная словесность», которое войдет в русский литературно-критический словарь лишь через два десятка лет, в конце 1833 г., с легкой руки О. Сенковского применительно к французской «неистовой» литературе (см.: [Дроздов 2017: 154]); впрочем, Шаликов явно имел в виду просто более молодой возраст русской литературы сравнительно с французской.

[34] Правильно *drager*.

[35] В оригинале: «On compte par chapeaux et par turbans» [Chateaubriand 1969 (2): 920].

Шаликов поясняет, что «Диоскурами назывались Кастор и Полукс» [Там же (1): 109], а Шатобриан комментирует другое мифологическое имя — Питиокамптес — и сообщает в примечании, что это «Сгибатель сосен, разбойник, убитый Тезеем» [Там же (1): 149].

Среди русских переводчиков-литераторов были такие, которые прибавляли к переводимому тексту собственные примечания, но при этом не считали нужным переводить примечания автора[36]; Шаликов, напротив, примечаний Шатобриана не опускает, но прибавляет и свои, чем ставит себя как бы наравне с переводимым автором — и с текстом его обращается как со своим, поскольку его собственные путешествия, как будет показано ниже, так же полны примечаний, поясняющих текст (включая мифологические имена) или выражающих эмоциональную оценку. Причем это ощущение усиливается оттого, что, как уже говорилось выше, в отличие от «Воспоминаний…», где примечания помечены инициалами «К. Ш.» (Князь Шаликов), в «Путевых записках» примечания Шаликова по большей части никак не обозначены, и понять, где «примечает» Шатобриан, а где его переводчик, можно только при сопоставлении с оригиналом. В русском издании примечания обоих графически одинаковы.

Важность этого параллелизма усиливается из-за того места, которое примечания занимали в творчестве Шатобриана. Дело в том, что Шатобриан и сам пользовался этой литературной формой с особой охотой и особой виртуозностью, так что представлял собою исключение даже на фоне своей богатой «автопримечаниями» эпохи. Известна история с переизданием в 1826 г. его первой книги «Опыт о революциях». Она была написана и опубликована еще до его «обращения» и превращения из скептика в — хотя бы на словах — правоверного христианина, и потому после 1814 г., когда Шатобриан стал видным роялистским публицистом и дипломатом, идеологические противники начали ставить ему в вину вольнодумный ранний «Опыт» и упрекать в неискренности, лицемерии и переменчивости. Шатобриан ответил им оригинальным образом: переиздал книгу без изменений, но снабдил ее примечаниями, в которых он то оправдывает свою прежнюю позицию, то опровергает себя прежнего. Эти новые примечания помечены в скобках сокращением «Нов. изд.» и представляют собою примечания второго уровня по отношению к примечаниям 1797 г., причем порой эти новые примечания разъясняют или опровергают старые [Clément 1997; Didier 2019: 66–78]. Этот эпизод, правда, произошел уже позже публикации шаликовских переводов, но «Itinéraire de Paris à Jérusalem» в оригинале также снабжен большим числом авторских примечаний.

Так обстояло дело с примечаниями у Шатобриана. Но и Шаликов не мыслил без примечаний ни своих переводов, ни своего оригинального творчества. Правда, в переводах не из Шатобриана его примечания более однообразны. Так, к переводу «Истории Генриха Великого» г-жи де Жанлис он в основном помещает в подстрочных примечаниях, подписанных буквами К. Ш., французские оригиналы тех слов, перевод которых, очевидно, представляется ему неочевидным: всякий раз, когда в тексте Жанлис упоминается Католическая лига, которую Шаликов переводит как Союз, он уточняет под

[36] Так поступили, например, переводчики Мабли П. П. Курбатов и А. Н. Радищев; см.: [Лотман 1998: 54–55].

строкой: «Известный под именем Ligue». В примечаниях Шаликов сообщает, что словом «правительство» он переводит французское *constitution*, словом «посредник» — французское *négociateur*, словом «союзники» — французское *confédéres*, а словом «общество» — французское *public* [Жанлис 1816 (1): 12, 103, 133]. Между прочим, в этих лингвистических примечаниях Шаликова, комментирующих перевод выражений, в самом деле трудных для передачи на русском языке, встречаются яркие находки. Так, «fanatisme religieux» он переводит как «вероисступление» [Там же (2): 56], хотя слово *фанатизм* присутствует в русском языке как минимум с начала XIX в. и, в частности, многократно фигурирует в прозе боготворимого Шаликовым Карамзина. «Миньонов» (фаворитов) французского короля Генриха III он именует «ненаглядными», а в примечании напоминает, что речь идет о *mignons* [Там же (2): 168]. А когда в оригинале встречается слово *arrière-garde*, он не только находит для него оригинальный вариант перевода, но и поясняет его происхождение. К словам «отрезать его сторожевой полк» сделано примечание: «Имея доверенность к ученому русскому воину, употребляю изобретенное им выражение, вместо *арриер-гарда*» [Там же (2): 140]. Наконец, слово *cousine* в обращении Генриха IV к родственнице Шаликов переводит как «сестрица», но не забывает привести в примечании французский вариант [Там же (3): 269]. Порой комментарий к переводу превращается в рассказ об исторических реалиях. Переведя словосочетание *chambres mi-parties* как «половинные камеры», Шаликов разъясняет под строкой: «Так назывался во Франции суд, в котором одна половина заседавших была Католической религии, другая Протестантской» [Там же (3): 8].

В тех же случаях, когда переводческое решение не найдено или найти его невозможно, Шаликов честно в этом признается и воспроизводит французский текст. Так, о стихах королевы Наваррской он сообщает в примечании: «Как подобные стихи не принадлежат собственно к Истории, то не почтено за нужное переводить их» [Там же (1): 50]. К фразе из перевода о пасквилянтах, которые «делали из имени его [Генриха] самую оскорбительную переставку [sic!] слов», дает следующее пояснение: «Анаграмма. Для знающих французский язык выписываем ее: Henri de Valois, vilain Hérode[37]» [Там же (2): 14]. А когда Жанлис в своем собственном примечании обыгрывает дословное значение словосочетания *dame d'honneur* и пишет об одной из придворных дам: «она была истинною dame d'honneur» — Шаликов поясняет в скобках, что «в переводе выйдет иначе: по нашему *Статс-Дама*, а по буквальному переводу: *дама чести*» [Там же (3): 163].

Наконец, и в переводе «Истории Генриха Великого» Шаликов не обходится и без примечаний не столько функциональных, поясняющих исторические реалии или варианты перевода, сколько эмоциональных. Жанлис пишет: «Изо всех честолюбивых Государей Филипп II наиболее унизил беспокойный и кровожадный дух завоеваний, ибо сей Король не был воином, и никакой личный блеск не покрывал несправедливости его предприятий»; Шаликов подхватывает — казалось бы, без особой нужды: «Франция имела, спустя 200 лет, своего Филиппа II, под именем Наполеона Первого» [Там же (3): 127]. Жанлис цитирует «Записки» Сюлли, сподвижника Генриха IV: «Честный человек не

[37] Генрих де Валуа, мерзкий Ирод (фр.).

ведает пьянства; человек трудолюбивый не должен знать так называемых соусов и напитков». Шаликов не только любезно подсказывает своему читателю французские оригиналы двух последних слов: «ragouts — liqueurs», но и прибавляет от себя реплику, скептически оценивающую уровень французского кулинарного искусства на рубеже XVI и XVII вв.: «За двести с лишком лет перед сим такое предписание не могло, думаю, казаться очень строгим, даже во Франции» [Там же (3): 174].

Одним словом, хотя примечания к книге Жанлис уступают по богатству и разнообразию примечаниям к Шатобриану, очевидно, что пристрастие Шаликова к примечаниям распространялось не только на автора «Itinéraire de Paris à Jérusalem».

Так обстояло дело с шаликовскими переводами. Но пристрастие Шаликова к жанру примечаний заметно и в его оригинальной прозе. Особенно богаты авторскими примечаниями два его «путешествия»: в Малороссию и в Кронштадт (у Шаликова *Кронштат*).

Некоторые из этих примечаний относятся к категории энциклопедических; другие носят автобиографический характер (как, впрочем, и основной текст) и содержат личные впечатления автора. В примечания Шаликов помещает библиографические ссылки и даже короткие историко-литературные этюды. Присутствуют среди этих примечаний и переводы, причем, что самое любопытное, не только иностранных, но и русских слов и выражений. Наконец, самый любопытный разряд — это примечания, которые органично продолжают в подстрочном пространстве основной текст. Приведу примеры из всех этих разрядов (границы между которыми, впрочем, весьма условны).

Примечания энциклопедические. В основном тексте сказано: «Мы прожили в новом Эпидавре гораздо более, нежели как намерены были». К слову *Эпидавр* сделано примечание: «Местопребывание Иппократа древности» [Шаликов 1804: 214]. Комментируются Палинур («Имя Энеева кормчего» [Шаликов 1817а: 2–3]) и Котлин («Прежнее имя нынешнего Кронштата» [Там же: 7]). Упоминание Кулибина в основном тексте («…посредством машин, не чудесных разве для одного только Кулибина») сопровождается примечанием: «Славный русский механик» [Там же: 18]. Иногда энциклопедический комментарий увенчивается лирическим восклицанием. Например, во фразе «Не стану описывать разлуки с незабвенным моим Филемоном и Бавкидою» Шаликов сначала комментирует имена: «Добродетельные супруги Гомерова времени, которые, сверх всего, славились гостеприимством», но на этом не останавливается и прибавляет от себя: «В наше блестящее время редки *Филемоны* и *Бавкиды*!» [Шаликов 1804: 247].

Примечания автобиографические. Основной текст «…когда, наконец, поглядывал я на Север, — Судьба вдруг сказала: “опять на юг, в Малороссию!”»; к слову *Север* сделано примечание: «Автор сбирался весною в Петербург» [Шаликов 1804: 5]. Основной текст: «Мне чрезвычайно хотелось быть в доме здешнего губернатора»; примечание к слову *здешнего* поясняет: «Полтавского» [Там же: 190]. «Мы нашли здесь К*Б*А*К*» — примечание к инициалам разъясняет: «Сына здешнего генерал-губернатора» [Там же: 205]. «Мне назвали здесь одного молодого человека…» — примечание к слову *здесь* уточняет: «То есть в Сорочинцах» [Там же: 210]. В стихотворной вставке под

названием «В моем наследии», которую Шаликов годом раньше напечатал под этим же названием в «Вестнике Европы» (1803. Ч. 10. № 14. С. 105–108), он пишет: «Однажды мне сказал любезный наш поэт ‹…› чтобы Делилевы стихи я перевел» [Там же: 107]. К слову *поэт* сделано примечание «И* И* Д*», обозначающее Ивана Ивановича Дмитриева, а к «Делилевым стихам» — примечание, дающее названия этих стихов французского поэта на обоих языках: «О бессмертии (sur l'immortalité)». Ниже в самом стихотворном тексте Шаликов объясняет, почему он не стал выполнять совет своего литературного патрона Дмитриева: «Скорее в кабинет... И что же? там читаю / Прекрасный перевод… ах! Самых сих стихов», а к слову *стихов* сделано «библиографическое» примечание: «В Вестнике Европы, Ю* А* Н*» [Там же: 108][38].

Примечания библиографические и историко-литературные. В последнем процитированном фрагменте примечание переходит из автобиографического в библиографическое. Случай этот в путевых записках Шаликова не единственный. Написав фразу «Из спектакля или, лучше сказать, из сарая — хотя бы из Дессенева — мы возвращались к милой знакомке моей», Шаликов делает примечание к слову *Дессенева*: «См.: Voyage sentimental» [Шаликов 1804: 94], отсылающее читателей к «Сентиментальному путешествию по Франции и Италии» Лоренса Стерна, где описаны трактирщик Дессен и его каретный сарай. А написав фразу «Если бы я имел кисть Августа Лафонтена, я изобразил бы *картину Семейства*…», Шаликов в примечании дает к фамилии Лафонтена настоящую литературно-критическую справку:

> Немецкий Романист. Между прочими, вообще хорошими его романами один под титулом: *Новые семейственные картины*, так живописен, так интересен! … Вот что переводчица его на французский, г-жа Монтольё, говорит об авторе в предисловии своем переведенного ею другого его романа, под титулом: *Деревня Лобенстенн*: «Лафонтен есть более глубокий моралист, нежели хороший сочинитель романов: он раскрывает сердце человеческое, проницает до малейших его изгибов и обнаруживает тайные причины действий и мыслей с таким искусством, с такою истиною, к которым немногие писатели приближились» [Там же: 188–189][39].

Примечания-переводы. В эту категорию входят прежде всего традиционные переводы иностранных слов и выражений. Во фразе «Нимало не хочу надменным быть Пансофом» комментируется Панфос — «Всезнающий» [Там же: 109]. К словам «Nil mortalibus arduum est», следует примечание: «Горациев известный стих: *Нет для смертных невозможного*» [Там же: 28]. Но порой Шаликов помещает в примечаниях и перевод с русского на русский.

---

[38] Имеется в виду Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, чей перевод отрывка из «Дифирамба на бессмертие души» (1802) Жака Делиля — текста, вообще очень популярного среди русских переводчиков, — опубликован в «Вестнике Европы» (1803. Ч. 8. № 5. С. 43–44). Все примечания Шаликова присутствуют уже в журнальной публикации.

[39] Роман Августа Лафонтена (1758–1831) «Деревня Лобенштейн [у Шаликова Лобенстенн], или Новый найденыш» (Le village de Lobenstein, ou Le nouvel enfant trouvé) в переводе Изабеллы де Монтольё (1751–1832) вышел в Париже в 1802 г.

К словам «при наступающем шторме» он добавляет: «Так по-морскому называется буря» [Шаликов 1817а: 6]. А во фразе «Кто вздумает искать под грозным Марсовым панцирем нежного сердца, под тяжелым шлемом тонких идей?.. Но я нашел одно и другое — под *дулманом* и *кивером*» комментирует слова, выделенные курсивом: «*Гусарская одежда. **Гусарский головной убор» [Шаликов 1804: 148][40].

Примечания, естественно продолжающие основной текст. И наконец, последний разряд — это реплики, восклицания, эмоциональные замечания, которые совершенно естественно и беспрепятственно могли бы быть помещены в основной текст, но Шаликов раздробляет его на ту часть, которую размещает на самой странице, и на другую, которую отправляет в примечания. Например, фразу «В другое время я бы ел с таким аппетитом бланманже, желе и проч., но в тот раз мне все казалось *металлом*, на котором мы обедали!» сопровождает примечание: «*Сервиз* был серебряный!!» [Шаликов 1804: 254]. В «Путешествии в Кронштат 1805 года» Шаликов в основном тексте упоминает «берега, которые обыкновенным мореходцам приятны», а в примечании к слову *берега* пишет: «Петергофский и Финский. Первый чрезвычайно живописен с моря или залива» [Шаликов 1817а: 4–5]. Фразу «Кронштат явился нам во всей полноте своей: каменная стена гавани, единственной в свете» сопровождает примечание: «Она построена, так сказать, среди моря, ибо выходит со дна его в некотором расстоянии от Кронштата» [Там же: 8], а упоминание «чая на английский вкус» влечет за собой примечание: «Надобно знать, что жители Кронштата великие *Англоманы*» [Там же: 12].

Так обстоит дело с книгами путевых записок.

Наконец, и свои литературно-критические статьи Шаликов охотно снабжал довольно пространными и содержательными примечаниями; приведу один пример, связанный также с переводами французской литературы. В 1806 г. в июльском номере журнала «Московский зритель» Шаликов, разбирая перевод басни Лафонтена «Мышь, удалившаяся от света», сделанный его литературным патроном и кумиром И. И. Дмитриевым, сообщает в примечании любопытный факт из творческой истории этого перевода, касающийся строки «И руки положа на грудь свою крестом»:

> Я слышал однажды от поэта-переводчика, что он написал машинально *руки* вместо *лапки*; без сомнения так; ибо ничто не обязывало написать *руки*: ни мера, ни просодия; к тому же *лапки крестом* сделало бы очень хорошую противоположность (цит. по: [Вацуро 2000: 53]).

И в следующих изданиях Дмитриев в самом деле заменил «руки» на «лапки».

[40] Все три слова к моменту выхода шаликовских путешествий принадлежали скорее к сфере профессионального морского или военного языка, а в беллетристических текстах употреблялись редко. Хотя слово *кивер* фигурирует уже в Словаре Академии Российской издания 1792 г. (т. 3, стлб. 509).

* * *

Два исследователя комментария, имея дело с совершенно разным материалом, пришли к отчасти сходным выводам. Ю. М. Лотман писал, что Пушкин, сопровождая собственные поэмы примечаниями, вводил в них другую точку зрения и тем самым преодолевал романтический монологизм [Лотман 1995]; Н. В. Брагинская видит в «комментарии к традиционному жанру» «способ неосознанного преодоления традиции: построенный на уважении к авторитету, в результате он оказывается полигоном инноваций» [Брагинская 2007: 65]. В обоих случаях комментарии / примечания ценятся за то, что рассказывают о том же, о чем говорит основной текст, и н а ч е, чем говорит основной текст. Шаликовские же примечания к Шатобриану интересны, как мне представляется, именно тем, что они принципиально не отличаются от текста переводимого и комментируемого автора: Шаликов видит в Шатобриане собрата-литератора и обходится с его текстом так же, как со своим собственным. Для Шаликова примечания — органичная форма литературного высказывания; он с равной охотой высказывается и в верхней, основной части страницы, и в подстрочном пространстве. Возможно, именно поэтому он, совершенно не смущаясь, ставил свои примечания рядом с шатобриановскими — для него такой литературный жест был совершенно естественным. Он комментировал чужие тексты, как свои, потому что комментировал свои, как чужие.

Источники

Вяземский 1986 — *Вяземский П. А.* Стихотворения / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург, сост., подгот. текста и примеч. К. А. Кумпан. Л.: Сов. писатель, 1986.

Гиллельсон, Кумпан 1988 — Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века) / Вступ. ст. М. И. Гиллельсона; сост. и примеч. М. И. Гиллельсона, К. А. Кумпан. Л.: Сов. писатель, 1988.

Грацианский 1815–1817 — *Шатобриан Ф.-Р. де*. Путешествие из Парижа в Иерусалим г. Шатобриана / Пер. И. Грацианского. СПб.: В Медицинской тип., 1815 (т. 1); 1816 (т. 2); 1817 (т. 3).

Жанлис 1816 — *Жанлис С.-Ф. де*. История Генриха Великого / Пер. П. И. Шаликова. Т. 1–3. М.: В тип. С. Селивановского, 1816.

Жанен 1835 — *Жанен Ж*. Дебюро. История двадцатикопеечного театра. Т. 1. СПб.: В тип. Н. Греча, 1835.

Поэты 1971 — Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; вступ. заметки, биогр. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера, Ю .М. Лотмана. Л.: Сов. писатель, 1971.

Поэты-сатирики 1959 — Поэты-сатирики XVIII — начала XIX в. / Сост., вступ. ст. и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. Л.: Сов. писатель, 1959.

Татищев 1798 — *Татищев И*. Полный французский и российский лексикон, с последнего издания Французской академии на русский язык переведенный. 2-е изд. Т. 1–2. СПб.: В Имп. тип., у Ивана Вейтбрехта. 1798.

Филомафитский 1817 — Отрывки из книги: Путешественник в Иерусалим, соч. Шатобриана / [Пер. Е. Филомафитского] // Украинский вестник. 1817. Ч. 7. С. 30–37, 306–327.

Филомафитский 1818 — Отрывки из книги: Путешественник в Иерусалим, соч. Шатобриана / [Пер. Е. Филомафитского] // Украинский вестник. 1818. Ч. 9. С. 50–66.

Шаликов 1804 — *Шаликов П. И.* Другое путешествие в Малороссию. М.: В Университетской тип. у Любия, Гария и Попова, 1804.

Шаликов 1815–1816 — *Шатобриан Ф.-Р. де*. Путевые записки из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж / Пер. П. И. Шаликова. М.: В тип. Н. С. Всеволожского, 1815 (т. 1–2); 1816 (т. 3).

Шаликов 1817a — *Шаликов П. И.* Путешествие в Кронштат 1805 года. СПб.: В тип. С. Селивановского, 1817.

Шаликов 1817b — *Шатобриан Ф.-Р. де*. Воспоминания об Италии, Англии и Америке / Пер. П. И. Шаликова. Ч. 1–2. М.: В Университетской тип., 1817.

Шаликов 1831 — *Шаликов П. И.* «Борис Годунов». Сочинение Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике, 1831–1833 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб.: Гос. Пушкинский Театр. Центр в Санкт-Петербурге, 2003. С. 48–49.

Шатобриан 1816 — *Шатобриан Ф.-Р. де*. Шекспир // Вестник Европы. Ч. 89. № 17–18. 1816. С. 80–109.

Яновский 1803–1806 — *Яновский Н. М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины: В 3 т. СПб.: Тип. Академии наук, 1803–1806.

Chateaubriand 1816 — *Chateaubriand F.-R. de*. Souvenirs d'Italie, d'Angleterre et d'Amérique. T. 1–2. Saint-Pétersbourg et Brunswick, 1816.

Chateaubriand 1969 — *Chateaubriand F.-R. de*. Œuvres romanesques et voyages. T. 2. Paris: Gallimard, 1969.

Литература

Алексеева 2012 — *Алексеева М. Л.* Переводческие пояснения во времени и культуре // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 1–7.

Алексейцева 2009 — *Алексейцева Т. А*. Примечания переводчика: за и против // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 99. 2009. С. 117–121.

Альтшуллер 1975 — *Альтшуллер М. Г.* Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX века («Друг просвещения» и «Московский зритель») // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи / Отв. ред. И. З. Серман. Л.: Наука, 1975. С. 98–106.

Биржакова 2013 — *Биржакова Е. Э.* Французско-русская лексикография XVIII века (Репертуар. Французский и Российский Лексикон 1786 года) // Acta Linguistica Petropolitana. Т. 9. № 2. 2013. С. 95–110.

Брагинская 2007 — *Брагинская Н. В.* Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // Мировое древо = Arbor mundi. № 14. 2007. С. 9–62.

Вацуро 2000 — *Вацуро В. Э*. Пушкинская пора. СПб.: Академ. проект, 2000.

Вацуро 2002 — *Вацуро В. Э*. Готический роман в России. М.: Нов. лит. обозрение, 2002.

Гаспаров 1999 — *Гаспаров М. Л*. Еврипид Иннокентия Анненского // Еврипид. Трагедии. Т. 1. М.: Ладомир, 1999.

Гаспаров 2000 — *Гаспаров М. Л*. Записи и выписки. М.: Нов. лит. обозрение, 2000.

Григорьева, Кижнер 2018 — *Григорьева Т. М., Кижнер И. А*. Русский язык в европейском контексте (по материалам лексикографических источников XVIII–XIX веков // Филология и человек. 2018. № 3. С. 7–20.

Денисенко 1996 — *Денисенко С. В.* «Дамский журнал» // Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацуро, С. А. Фомичева. СПб.: Гос. Пушкинский Театр. Центр в Санкт-Петербурге, 1996. С. 470–480.

Дерюгин 1985 — *Дерюгин А. А*. Тредиаковский-переводчик: становление классицистической традиции. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985.

Дроздов 2017 — *Дроздов Н. А.* «Юная словесность» в русских переводах 1830-х годов // Эткиндовские чтения VIII, IX: по материалам конференций «Там, внутри» 2015 г., «Свое чужое слово» 2017 г. / Сост. В. Е. Багно, М. Е. Эткинд; предисл. В. Е. Багно. М.: Центр книги Рудомино, 2017. С. 152–162.

Дрыжакова 1995–1996 — *Дрыжакова Е. Н*. А. С. Пушкин и князь Шаликов // Новые безделки: Сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацуро / [Сост. Е. О. Ларионова и др.]. М.: Нов. лит. обозрение, 1995–1996. С. 271–283.

Евдокимова 2006 — *Евдокимова Л. В.* Комментарии к комедиям Теренция в издании А. Верара и их источники // Стих и проза в европейских литературах Средних веков и Возрождения / Отв. ред. Л. В. Евдокимова. М.: Наука, 2006. 163–216.

Евдокимова 2009 — *Евдокимова Л. В*. Историческое зерцало Жана де Винье: перевод-комментарий // Культура интерпретации до начала Нового времени / Отв. ред. Ю. В. Иванова, А. М. Руткевич. М.: ГУ-ВШЭ, 2009. С. 300–329.

Евсеева 2012 — *Евсеева Т.* Переводной художественный текст с комментарием. [Saarbrücken]: Lambert Academic Publishing, 2012.

Ершова 2007 — *Ершова В. Н.* Журналист П. И. Шаликов: материалы к биографии // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2007. № 9. С. 11–26.

Кузьмина 2009 — *Кузьмина Н. А.* Поэтика авторских комментариев к стихотворному тексту: материалы к истории жанра. Статья 1 // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 170–180.

Лейбов 1996 — *Лейбов Р. Г.* 1812 год: две метафоры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. [Вып.] 2 (Нов. сер.) / Ред. Л. Киселева. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996. С. 68–104.

Лотман 1995 — *Лотман Ю. М.* К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина (Проблема авторских примечаний к тексту) // Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: Искусство–СПб., 1995. С. 228–236.

Лотман 1998 — *Лотман Ю. М.* Радищев и Мабли // Лотман Ю. М. Собр. соч. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. М.: ОГИ, 1998. С. 45–71.

Мильчина 1978 — *Мильчина В. А.* Поэтика примечаний // Вопросы литературы. 1978. № 11. С. 229–247.

Тынянов 1968 — *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968.

Чумаков 1976 — *Чумаков Ю. Н.* Об авторских примечаниях к «Евгению Онегину» // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1976. С. 58–72.

Чумаков 2008 — *Чумаков Ю. Н.* Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений. М.: Языки славянских культур, 2008.

Clément 1997 — *Clément J.-P*. Conversation du jeune sauvage avec un pair de France, ou l'édition de 1826 de l'*Essai sur les révolutions* // Bulletin de la Société Chateaubriand. № 40. 1997. P. 51–56.

Desné 1995 — *Desné R*. Juifs // Inventaire Voltaire / Sous la dir. J. M. Goulemot, A. Magnan. Paris: Gallimard, 1995. P. 763–766.

Didier 2019 — *Didier B*. Chateaubriand: Une identité trinitaire. Leiden; Boston: Brill; Rodopi, 2019.

References

Alekseeva, M. L. (2012). Perevodcheskie poiasneniia vo vremeni i kul'ture [Translator's explanations in time and culture]. *Politicheskaia lingvistika* [Political linguistics]*, 2012*(1(39)), 1–7. (In Russian).

Alekseitseva, T. A. (2009). Primechaniia perevodchika: za i protiv [Translator's notes: Pro and contra]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]*, 99*, 117–121. (In Russian).

Al'tshuller, M. G. (1975). Neizvestnyi epizod zhurnal'noi polemiki nachala XIX veka ("Drug prosveshcheniia" i "Moskovskii zritel'") [Unknown episode of magazine polemics of the beginning of the 19th century ("Friend of enlightenment" and "Moscow spectator")]. In I. Z. Serman (Ed.). *XVIII vek* [18th century], *Sbornik 10: Russkaia literatura XVIII veka i ee mezhdunarodnye sviazi* [Vol. 10: Russian literature of the 18th century and its international connections], 98–106. Leningrad: Nauka. (In Russian).

Birzhakova, E. E. (2013). Frantsuzsko-russkaia leksikografiia XVIII veka (Repertuar. Frantsuzskii i Rossiiskii Leksikon 1786 goda) [French–Russian lexicography of the 18th century (Repertoire. French and Russian Lexicon of 1786)]. *Acta Linguistica Petropolitana, 9*(2), 95–110. (In Russian).

Braginskaia, N. V. (2007). Kommentarii kak mekhanizm innovatsii v traditsionnoi kul'ture i ne tol'ko [Commentary as a mechanism for innovation in traditional culture and beyond]. *Mirovoe drevo = Arbor mundi, 14*, 9–62. (In Russian).

Chumakov, Iu. N. (1976). Ob avtorskikh primechaniiakh k "Evgeniiu Oneginu" [About the author's notes to *Eugene Onegin*]. In *Boldinskie chteniia* [Boldino readings], 58–72. Gorky: Volgo-Viatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).

Chumakov, Iu. N. (2008). *Pushkin. Tiutchev: Opyt immanentnykh rassmotrenii* [Pushkin. Tiutchev: An experiment in immanent examinations]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian).

Clément, J.-P. (1997). Conversation du jeune sauvage avec un pair de France, ou l'édition de 1826 de *l'Essai sur les révolutions. Bulletin de la Société Chateaubriand, 40*, 51–56. (In French).

Denisenko, S. V. (1996). "Damskii zhurnal" ['Ladies' magazine']. In V. E. Vatsuro, S. A. Fomicheva (Eds.). *Pushkin v prizhiznennoi kritike, 1820–1827* [Pushkin in criticism during his lifetime, 1820–1827], 470–480. St. Petersburg: Gosudarstvennyi Pushkinskii Teatral'nyi Tsentr v Sankt-Peterburge. (In Russian).

Deriugin, A. A. (1985). *Trediakovskii-perevodchik: stanovlenie klassitsisticheskoi traditsii* [Trediakovsky-translator: Formation of the classicist tradition]*.* Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russian).

Desné, R. (1995). Juifs. In J. M. Goulemot, A. Magnan (Eds.). *Inventaire Voltaire*, 763–766. Paris: Gallimard. (In French).

Didier, B. (2019). *Chateaubriand: Une identité trinitaire*. Leiden; Boston: Brill; Rodopi. (In French).

Drozdov, N. A. (2017). "Iunaia slovesnost'" v russkikh perevodah 1830-kh godov ["Young literature" in Russian translations of the 1830s]. In V. E. Bagno, M. E. Etkind (Eds.), V. E. Bagno (Intro.). *Etkindovskie chteniia VIII, IX: po materialam konferentsii "Tam, vnutri" 2015 g., "Svoe chuzhoe slovo" 2017 g.* [The Etkind Readings 8, 9: Proceedings of the conferences "There, inside", 2015, "One's own other people's word" 2017], 152–162. Moscow: Tsentr knigi Rudomino. (In Russian).

Dryzhakova, E. N. (1995). A. S. Pushkin i kniaz' Shalikov [A. S. Pushkin and Prince Shalikov]. In E. O. Larionova et al. (Eds.). *Novye bezdelki: Sbornik statei k 60-letiiu V. E. Vatsuro* [New trifles: Collection of articles for the 60th anniversary of V. E. Vatsuro], 271–283. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Ershova, V. N. (2007). Zhurnalist P. I. Shalikov: materialy k biografii [Journalist P. I. Shalikov: Biographical materials]. *Vestnik RGGU* [Bulletin of RGGU / RSUH], Ser. *Istoriia. Filologiia. Kul'turologiia. Vostokovedenie* [History. Philology. Cultural Studies. Orientalism], *2007*(9), 11–26. (In Russian).

Evdokimova, L. V. (2006). Kommentarii k komediiam Terenciia v izdanii A. Verara i ikh istochniki [Comments on the comedies of Terence in Antoine Verard's edition and their sources]. In L. V. Evdokimova (Ed.). *Stikh i proza v evropeiskikh literaturakh Srednikh vekov i Vozrozhdeniia* [Verse and prose in European literatures of the Middle Ages and the Renaissance], 163–216. Moscow: Nauka. (In Russian).

Evdokimova, L. V. (2009). Istoricheskoe zertsalo Zhana de Vin'e: perevod-kommentarii [Jean de Vignay's *Miroir historial*: Translation-commentary]. In Iu. V. Ivanova, A. M. Rutkevich (Eds.). *Kul'tura interpretatsii do nachala Novogo vremeni* [Culture of interpretation before the beginning of Modern times], 300–329. Moscow: GU-VShE. (In Russian).

Evseeva, T. (2012). *Perevodnoi khudozhestvennyi tekst s kommentariem* [Translated artistic text with a commentary]. [Saarbrücken]: Lambert Academic Publishing. (In Russian).

Gasparov, M. L. (1999). Evripid Innokentiia Annenskogo [Euripides of Innokenty Annensky], *Evripid. Tragedii* [Euripides. Tragedies] (Vol. 1). Moscow: Ladomir. (In Russian).

Gasparov, M. L. (2000). *Zapisi i vypiski* [Notes and extracts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Grigor'eva, T. M., Kizhner, I. A. (2018). Russkii iazyk v evropeiskom kontekste (po materialam leksikograficheskikh istochnikov XVIII–XIX vekov [Russian in the European context (Based on lexicographic sources of the 18th–19th centuries)]. *Filologiia i chelovek* [Philology and man] *2018*(3), 7–20. (In Russian).

Kuz'mina, N. A. (2009). Poetika avtorskikh kommentariev k stikhotvornomu tekstu: materialy k istorii zhanra. Stat'ia 1 [Poetics of author's commentaries on the poetic text: Materials for a history of the genre. Article 1]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of the Omsk University], *2009*(3), 170–180. (In Russian).

Leibov, R. G. (1996). 1812 god: dve metafory [1812: Two metaphors]. In L. Kiseleva (Ed.) *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie* [Works on Russian and Slavic philology. Literary studies] (New Ser.) (Vol. 2), 68–104. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. (In Russian).

Lotman, Iu. M. (1995). K strukture dialogicheskogo teksta v poemakh Pushkina (Problema avtorskikh primechanii k tekstu) [On the structure of dialogic text in Pushkin's poems (The problem of author's notes to the text)]. In Iu. M. Lotman. *Pushkin. Biografiia pisatelia. Stat'i i zametki. 1960–1990. "Evgenii Onegin". Kommentarii* [Pushkin. Biography of the writer. Articles and notes. 1960–1990. *Eugene Onegin*. Commentaries], 228–236. St. Petersburg: Iskusstvo–SPb. (In Russian).

Lotman, Iu. M. (1998). Radishchev i Mabli [Radishchev and Mably]. In Iu. M. Lotman. *Sobranie sochinenii* [Collected works], *T. 1: Russkaia literatura i kul'tura Prosveshcheniia* [Vol. 1: Russian literature and Enlightenment culture], 45–71. Moscow: OGI. (In Russian).

Milchina, V. A. (1978). Poetika primechanii [Poetics of notes]. *Voprosy literatury* [Problems of literature], *1978*(11), 229–247. (In Russian).

Tynianov, Iu. N. (1968). *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Vatsuro, V. E. (2000). *Pushkinskaia pora* [Pushkin's time]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt. (In Russian).

Vatsuro, V. E. (2002). *Goticheskii roman v Rossii* [The Gothic novel in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Вера Аркадьевна Мильчина
кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник,
Институт высших
гуманитарных исследований,
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125047, Москва, ул. Чаянова, д. 15
Тел.: +7 (499) 250-66-68
ведущий научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 84
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ *vmilchina@gmail.com*

Information about the author

Vera A. Milchina
Cand. Sci. (Philology)
Leading Researcher,
Institute for Advanced Studies in the
Humanities,
Russian State University for the Humanities
Russia, 125047, Moscow, Chayanova Str., 15
Tel.: +7 (499) 250-66-68
Leading Researcher,
Center for Studies in History and Culture,
School of Advanced Studies in the
Humanities, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 84
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ *vmilchina@gmail.com*